

Максим Рычков

MAKSAR29

Тьма и Перечная ваниль

Максим Рычков

maksar29. Тьма и Перечная ваниль

«Издательские решения»

Рычков М.

maksar29. Тьма и Перечная ваниль / М. Рычков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966725-0

Максима Рычкова хорошо знают читатели интернет-пространства. В его творчестве немало острых, сатирических и юмористических стихотворений. Но эта книга — редкий шанс заглянуть в душу поэта в момент самого сокровенного, чувственного, порою очень тонкого проявления. Когда автор снимает с себя разнообразные маски и начинает говорить всерьёз, его слово становится пронзительным, точным, глубоким и важным для каждого, кто испытает на себе возможность сопричастности.

ISBN 978-5-44-966725-0

© Рычков М.

© Издательские решения

Содержание

Тьма	6
Антик	6
Аргус	8
Беда	9
Беззвучное	10
Всё	11
В точку	12
Глагольное	13
Давид	15
Заговор	16
За прошлый	17
Из мозга. Палата номер шесть	18
Из мозга. Стенное	19
Многоточие	20
Наша временная	21
Не будет	22
Не верность	23
Невидимое	24
Не врут календари	26
Не спасёмся	27
Не хватило	28
Перерасчёт	30
Повезло	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

maksar29
Тьма и Перечная ваниль

Максим Рычков

© Максим Рычков, 2019

ISBN 978-5-4496-6725-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тьма

Антик

Безостановочно бьётся
Сердце,
Посуда,
И крик.
Подабатурное солнце
Капает за воротник
Жёлтым
И приторно-сладким
Светом,
Похожим на медь,
На боевые порядки
Страшно и больно смотреть
Не защищаясь.
Не пряча
Правду в цветастый шатёр.
Конницей горького плача
Он обойдён,
И в костёр
Обращены мои стены,
Входят фаланги обид,
Горе богатым и пленным,
Если их козырь побит
Неоспоримым.
Железным.
Медным щитом не спасти
От приближения бездны,
И бесполезных
«Прости».

Аргус

Если б за каждое,
Вправду —
Глаз вон,
Воспоминание,
Я бы за каждую грусть
И за каждый сон
Слеп.
Словно стоглазый Аргус
Беспомощен —
Мания
Помнить тебя
Гасит дневной свет.

Если б за каждую
Каплю
Твоих слёз,
В небе рождалась звезда,
На земле – малыш.
Я бы хотел,
Чтобы небо осталось вовсе
Без звёзд,
И на земле —
Не докричишься —
Тишь.

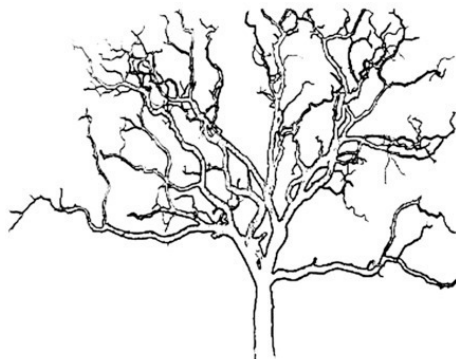
Старое,
Впрочем,
Вернуться не может —
Блажь.
Кончилось и прошло,
Запрещён звонок,
Ты за меня не ослепнешь,
Не тот,
Да?
Если б за каждое,
Вправду —
Глаз вон.

Беда

Беду ты не узнаешь по шагам,
По жаркому дыханию над ухом.
Беда твоя – не мрачная старуха,
Расставившая свечи по углам,
Не ворон, что стучит в твоё окно,
Не страшный крик, не адовая мука;
Нет у беды ни запаха, ни звука,
Ни вестников, как в импортном кино.

Нет у беды твоей календаря,
Где числа под могильными крестами;
И никакими датами, часами,
Приметами не выдаёт зазря
Свои ходы. Когда наступит срок
Ты всё поймёшь без лишних указаний,
Когда лишь темнота перед глазами
И тишина, без права на звонок.

Беда отступит, выстудив углы,
Фигуры скинув с чёрно-белых клеток,
И тысячи несказанных ответов
Похоронив в безмолвии золы.
И весь итог. И выдохнуть. К нулю
Свести тоску безжалостной кликуши,
И вытащить того, кто сам не сдюжит,
Беду чужую выпив, как свою.

Беззвучное

Медью пустой звучать не даёт молва.
Так на песок выплёскивает слова
Море моё, облачённое в хмурый вид.
Море бросает слова, а само молчит.

Эти слова обожжённый пожрёт песок,
С дерева сыплется высохший жёлтый сок.
Дерево мёртвое, хоть и ещё стоит,
Держит на пальцах Вселенную и молчит.

Небо считает дни до конца ночей,
Небо ничьё и счёта нет той ничьей.
Ветру не дуть и дождям не идти, и злит
Небо само себя. И само молчит.

Этим бы снам, обречённым с приходом дня,
Рваться струной, от смертельной тоски звеня.
Только внутри меня, замыкаясь в круг,
Лишь пустота. А в ней невозможен звук.

Всё

Всё.

Это не так уж и страшно, на самом деле,
Главное – первые две или три пережить.
Ну, а потом потеряют лицо недели
И перестанут дожди.

Будет всё снова как раньше, как прежде, но тоньше
Линия, после которой по сердцу озноб,
Верить захочешь, но так, чтоб не чувствовать больше
Выдоха сказанных слов.

Встретитесь, может быть, так – через пару-другую,
Он посмеётся и, может, представит её.
Так никогда не бывает, что всех не целуют,
Это твоё персональное, личное...
Всё.

В точку

В точку.
Два слова и поражена мишень,
Харкает кровью душа и корежит сердце.
Домик из разноцветных карандашей
Вспыхнул и пал золой,
Не пустив погреться.

Выдохся и не встал,
Выливай вино.
Толку теперь ворчать,
Волноваться,
Слушать
Рельсы —
А вдруг?
Зазвенит и вот,
С бешеным лязгом ворвётся в метель и стужу,
Вырвет из тишины,
Из одиноких дней,
Из обожжённых памятью и злорадством
Мыслей,
Что вяло тянутся меж огней,
И от верёвочки руки убрать бояться.

Путают,
И несут
Чушь,
Из пустых стихов,
Что потеряют масть,
Если закончить строчку.
Словно пропал клубок
И не связать двух слов,
Чтобы могли попасть
В яблочко,
В сердце,
В точку.

Глагольное

Я каждому желаю
Отыскать
То счастье,
Что по капельке на брата,
На миллион,
На два
Или на пять.
Хранить,
Оберегать,
Не растерять,
Не обращать внимания на даты,
На суету,
На вражескую рать,
На графики,
Прогнозы
И мандаты,
На белые больничные палаты,
На чёт и нечет.
Эти реки вспять
Не повернуть.
Не залатаешь латы,
И проще жизнь по капле расплескать,
Чем склеить,
То, что целиком когда-то
Ты счастьем мог назвать.
И удержать,
В рассветах измерять,
А не в закатах,
Сдаваясь в этой маленькой войне,
Хватать его.

И отдавать
Вдвойне.

Давид

Спи, Давид.
Тишина вокруг – хуже зла.
У тебя – ни паруса, ни весла,
Ни горы казённого барахла,
Не устроен быт.
Нет врагам числа.
Та, что сердце на блюде Царю несла,
Обещала ждать. И ждала.
И сыт
Милосердный Царь.
Дом плющом обвит.

Спи, не ведая ремесла,
Спи, Давид.

Спи, Давид.
Тишина расползлась, треща.
Сеть пуста, будто внутренности плаща,
Не поймать ни радио, ни леща,
Не продлён лимит.
Враг стоит, ропща,
В поединщики выдвинули дрища.
Нам по силам. Ему – по щам.
Забит
В крышку гвоздь.
Гроб хвощом укрыт.

Лишь скажи, где твоя праща.
Спи, Давид.

Спи, Давид.
Тканью тюлевой – тишина.
Паруса и сети коснулись дна.
Там, на дне, безмолвие и весна,
Илион и Крит.
Всем дано сполна,
Победителей выкосила война,
Проигравших нет. Ордена
И спирт.
Повторим при случае.
Будешь бит.

Всё закончилось, не прерывая сна.
Спи, Давид.

Заговор

Это заговор, я уверен,
Знаю – можешь,
И есть причины,
Чтобы волком я выл под дверью,
Обдирая свои личины —
Одинокого,
Злого,
Гада.
Неприступное и глухое.
Да зачем мне всё это надо?
Да на кой мне?
И всё такое.

А потом уходила гордость,
И душа извивалась,
Ныла,
И хрипел в телефоне голос,
Умоляя, чтобы простила,
Отпустила
На волю, если
Быть не вместе.
Неудержимо
Эта песня про тили-тесто
Превращается в пантомиму.

Это заговор – кукла-вуду.
Хочешь плачь,
Хочешь просто смейся.
Если надо забыть – забуду,
Если надо,
А вот сумей-ка.
Отпусти,
Разожми ладошку.
Воск растаял
И сердце тоже.

Я люблю тебя.

Понарошку.

Как никто
Никогда
Не сможет.

За прошлый

За прошлый год никто не постарел.
За будущий не постареет тоже.
Нет возраста у тех, кто всех дороже,
Нет срочных планов, неотложных дел.
Нет громких слов, как нет постыдных слёз,
Как нет курка, забытого на взводе.
Нет возраста у тех, кто вдруг уходит.
Простой ответ на непростой вопрос.

За прошлый год не стало проще жить,
В звонке домой не стала ближе мама,
И память об отце, в стекло стакана
Разлитую, не стало легче пить.
Не стало легче наводить мосты,
Из древних стен выламывая камень.
Что не случилось с нами – стало снами,
Застывшими стеклом средь пустоты.

Так было все минувшие года.
Так в чудеса порой не верит чудо.
Но если будешь ты – я тоже буду,
Неважно где, насколько и когда,
И сложены какими мелочами
Простое счастье и одна беда.
Так было все минувшие года.
И так же будет дальше.

Но не с нами.

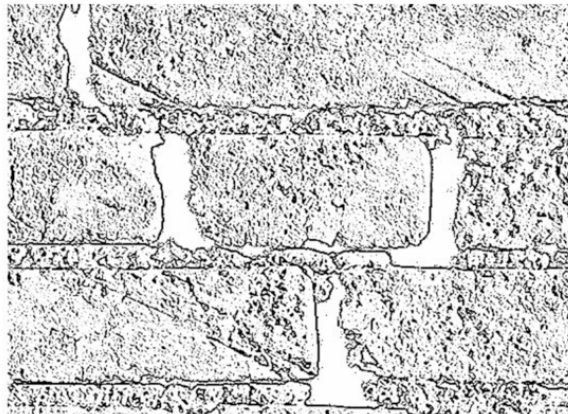

Из мозга. Палата номер шесть

Зеленый чай,
Соленый сыр,
Пустые речи,
Шорох тени,
И нервно сжатые колени,
Как неподвижные весы.

Нож,
Кружка,
Желтый скол доски
На колченогой табуретке,
Еще бы шприц и две таблетки
Для украшения тоски.

Движение губ,
Улыбка,
Лесть,
И одиночества смущенье
На полпути к выздоровленью,
В моей палате номер шесть.

Из мозга. Стенное

Лето медленно входит, влетает, вползает в права,
Безысходностью мрачных иллюзий полна голова —
Недосмотр медицины.
Вырываясь из гнусной потешности сказанных слов,
Дышит время движением стрелок и тяжестью снов,
Оставляя седины.

Это не украшение чела — это юность ума,
И повешен за слабую волю на ветках Фома,
Не осины, но клёна.
На стене, почерневшей от слёз неизвестных мужчин,
Меж расстрельных следов, на снегу известковых морщин
Проступает икона.

Я стою на коленях, считая в ладони гроши,
Жизнь лежит на прилавке, но вот на какие шиши
Мне её растаможить.
И кусками, по буквам латинским, рождается крик,
Что нечаянно к старости с детства привык
Всё делить, а не множить.

Разлетится от громкого залпа пугливая ночь,
И гряда маяков перейти не сумеет помочь
Дно сухого пролива.
И песок, как его не сжимай, убежит из руки,
Да на горле останется след от парадной тоски,
Что повязана криво.

Многоточие

Это не важно, не срочно.
Правда не в чьей-то вине:
Наше с тобой многоточие
Резко упало в цене
И обрело содержание.
Точно глухая стена
Рухнула.
Точка молчания
Снова осталась одна.
Намертво.
И на мгновение.
Выдох озлобленным ртом.
Это её назначение —
Чёрным печатным клеймом
Лечь и давить на фантомное,
Хоть и живое на вид...

Скалится чувство бездомное,
Выть разучившись, скулит,
Прячется
Пуганым полозом,
Ищет привычный покой...

«Мне в твои чёрные волосы
Снова зарыться рукой,
И задохнуться,
Бессовестно,
В шёпote,
В ласке,
В тебе,
В голосе,
Не в одиночестве...»

Не наяву.
И не мне.

Наше с тобой многоточие
Бросовой вышло ценой.
Не расцветёт.
Неразборчиво.

Точка.

Не будет второй.

Наша временная

Ни печали, ни радости.
Тишина.
Ты упрямая,
Я упёртый.
Наша странная, временная война
Не ведёт счёт ни пленным,
Ни мёртвым.
Ни словам,
Ни обидам.
Такой размен:
За спокойствие – быт и счастье.
Наша линия фронта – редуты стен,
Над которыми взгляд не властен.
Только крик.
И упрёки,
Что на разрыв.
Перемирие жжёт
И стынет.
Твоих слёз беспощадный кумулятив
Прожигает меня навывлет.
Шаг за шагом.
Терпение.
Тишина.
На исходную.
Наготове.
Наша странная, временная война.
До конца.
До последней крови.

Не будет

Любви не будет.
Секс и алкоголь.

Синдром необязательных разлук —
Как первый снег,
Как временный пароль,
Как в коренном проснувшаяся боль,
По выверенной схеме —
Зря и вдруг,
Пройдёт.

И вновь никто не виноват
В ознобе обособленных натур.
И в тесте «треугольник-круг-квадрат»
Ты росчерком пера продолжил ряд,
И выбрал пустоту среди фигур.

Отложим,
Передумаем,
Замнём.
Безжалостно стирать бельё... и грусть.
Не смешивая память с новым днём,
С надуманным наречием «вдвоём»...

Любви не будет.
Снова.
Ну и пусть.

Не верность

Не храни эту верность.
В моих правах
Запретить тебе ждать
И верить
В то,
Что если меня ты пережила,
Нужно сердце закрыть.
И двери —
На замок,
На засов.
Потерять ключи,
Раствориться в своей печали.

Я прошу тебя:
Верности не храни.
Я прошу.

Зеркала молчали,
Утомлённые траурным полотном.
Недвижимость секундных стрелок.
Этот дом без надежды
Забылся сном —
Разбуди его,
Чтобы грело
Солнце руки твои,
Чтоб глухой тоске
Места не было даже рядом.

Мне достаточно памяти,
В уголке.
А вот верности мне не надо.

Повстречай и люби.
Обнимай,
Целуй.
Не покинет,
Не бросит.
Знаю.

Через правое, только,
Прошу,
Не плюй.
Будьте счастливы.
Разрешаю.

Невидимое

Мой невидимый волк – вой.
Не скули горькой сукой, пожравшей своих щенков,
Вой.
Не видя Луны и звёзд,
Бестолковой своей башкой
Не тянись к облакам,
Не достать до тех облаков.
Вой, невидимый.
Вой – оправдание тайных слёз,
Неподвластное времени,
Третьим царям и снам.
Вывой с кровью всё то, что держал в себе верный пёс,
Разводивший, как спирт, ложь и боль по чужим углам.

Мой невидимый пёс,
Кем ты был?
Кем ты стал,
Дождаясь своей беды?
Глядя в окна, где свет,
Из чужих принимая рук
Хлеб надежды и кость,
Вместо миски живой воды,
И давя в себе рык на чужой в окне силуэт.
Эту цепь – ожидание-ложь-неизбежность – ты выбрал сам,
И она затянулась петлёй,
Сталь сложилась в шёлк,
В страх сложилась мечта,
А реальность сложилась так,
Что на вой своё право имеет не пёс, но волк.

Мой невидимый дом,
Где ты есть?
Где издох твой пёс?
Где тот волк, что не верит в тепло обгоревших стен?
Ключ в ладони растаял.
Прошёл мороз.
Обнажилась земля от дыхания перемен.
Не осталось вопросов,
Не стало живых зверей,
Ни таблички, ни адреса,
Пахотная земля.
Есть четыре столба
И забор.
Никаких дверей.
За забором – живой и невидимый —

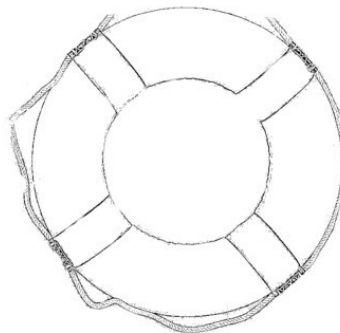
Я.

Не врут календари

Не врут календари.
Не помнят
И не чтут.
Им в прошлое глядеть
Нет никакого смысла.
В оторванном листе
Их маленький статут,
Их маленькая жизнь —
Раскрашенная цифра.

Не врут календари.
Давно разрезан торт,
Лишь свечи зажигай
На каждую страницу.
Ты помнишь этот день,
Да только год не тот.
С другой, с другим...
А дню...
А дню осталось сниться.

Не врут календари.
Не люди —
Не дано.
Им сорванных не жаль —
Их не было в помине.
Легко горят стихи
И портится вино...
И день давно прошёл.
И иней
Синий-синий.

Не спасёмся

Не спасёмся – ни ты, ни я.
Тает воздух, светлеют тени.
Это выжженная земля,
Это танцы вокруг ноля,
Истребление отношений.

Это точка.
В системе координат
Не нашлось отправной.
И первым выдох сделает тот, чей яд
Крепче стали,
И как канат —
Неспособные рваться нервы.

Это выпренно и старо,
Мы же с детства об этом знали:
Побеждает всегда добро.
И фамильное серебро
На молчание разменяли,

На уверенность в правоте.
Двести двадцать седьмой.
Впервые
Оглушённые в пустоте,
Ослеплённые в немоте,
Независимые.
Чужие.

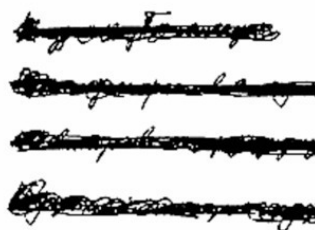

Не хватило

Нам просто не хватило совпадений
В каких-то несусветных мелочах,
В молчании,
Что порознь,
И в речах,
Произнесенных чётко,
Без сомнений,
И ворохе звенящих настроений,
Изрубленных наотмашь и сплеча.

Нам просто не хватило обещаний,
Исполненных не вопреки, а «за».
Отчаянных,
И сказанных
В глаза,
В надежде на ответное,
Признаний,
И северных бессмысленных сияний,
И шага,
Невозможного назад.

Нас просто не хватило —
Не поспоришь.
Закончились,
Замёрзли.
Для своих —
«Те, что когда-то были...»
Для чужих —
Очередные скучные герои,
Которым жить показано по двое,
Но просто не хватило
На двоих.

Перерасчёт

Ветер и свет.
Шаги водяных часов.
Перерасчёт итогов
И голосов,
В споре рожающих прежнее, бытовое.
Снятые скальпы осядут по головам,
Как это просто – приладить слова к словам:
Правда и ложь, первое и второе.

Я не моргаю.
Моргну и наш мир умрёт.
Кончится лента,
Глиняный пулемёт,
Выполнив «гири», ляжет на дно колодца.
В мёртвую точку свернётся уставший мир,
Чёрной парадной в глазках нежилых квартир
Будет смотреть и плакать слепое солнце.

Справа налево,
На ощупь,
Под лай щенков,
Строго по вешкам заброшенных маяков,
Твёрдой рукой перечёркивать, жечь и тратить.
Стихнут и свет, и ветер. Скривится рот,
Плюнет линованным, белым, и устный счёт
Перенесёт в начало пустой тетради.

Повезло

Повезло:

Он оплот и надежда,

Спина, стена.

Не для каждой судьбой припасен такой.

Жизнь на долгие годы вперёд ясна,

Всё расписано крепкой мужской рукой.

Пусть не будет вершин, но не будет дна:

Постоянство, забота, уют, покой.

Почему ты твердишь, будто ты одна?

Почему ты одна, если он с тобой?

Повезло,

Не иначе.

Так говорят.

Ухватила, отжала, оторвала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.